

— Юй-ланчжун, Цай-гер, в поле, что ли, направляетесь?

Солнце только-только поднялось, когда Юй Шанчжи, правящий повозкой, вместе с Вэнь Ецаем и его младшей сестрой встретились на деревенской дороге с соседкой.

— У нас всего два му земли, — с улыбкой ответил Юй Шанчжи, придерживая глиняный кувшин с водой, — вот и решили в эти погожие дни поскорее убрать урожай и разложить сушиться.

Заговорившая женщина была Цао Цюшуй, её участок граничил с землёй семьи Вэнь. Раньше она уже обращалась к Юй Шанчжи с жалобами на боль в пояснице. Тогда он только глянул и сказал, что это смещение сустава, велел ей лечь и прямо на месте вправил кость. Цао Цюшуй уже собралась было закричать, думала, будет больно, как обычно. А оказалось, что ничего не почувствовала, и боль как рукой сняло. С тех пор она всем и каждому твердила, что Юй Шанчжи просто волшебник, и считалась едва ли не самой ревностной поклонницей его техники.

Услышав это, она весело рассмеялась:

— Верно-верно, тем более у вас же за домом ещё десять му земли. Как только с пшеницей управитесь, там сразу сеять нужно будет.

На самом деле, упоминая эти десять му, у Цао Цюшуй в душе всё равно вспыхивало тепло: обычным крестьянам нередко и двух поколений не хватает, чтобы собрать такую площадь земли. А вот семье Вэнь повезло, зять у них что надо, и всё в один миг в руках оказалось. Но хоть в душе и щемило от зависти, зла она не держала. Медицинское искусство Юй-ланчжуна и правда стоит уважения, всё это он заслужил честно.

Юй Шанчжи уже привык к её откровенной доброжелательности. С тех пор как он вылечил ей спину, стоило им повстречаться на дороге, кто-нибудь из семьи Цао тут же подходил заговорить. Иногда приносили с поля овощи, а то и с деревьев фрукты, что в саду поспели.

— Тётушка Цюшуй, — мягко напомнил Юй Шанчжи, — вы, когда в поле идёте, про свою поясницу не забывайте. Если снова потянете, уже не так легко будет поправить.

Цао Цюшуй и не ожидала, что он и сейчас не забыл про её болячку. От такого внимания глаза у неё сразу засветились, и она улыбнулась так широко, что глаза превратились в щелки.

— Не беспокойтесь, Юй-ланчжун, — с усмешкой ответила Цао Цюшуй, — я всё по вашему слову сделала — пояс себе подвязала!

С этими словами она дважды шлёпнула себя по спине, и под ладонью глухо бухнуло — видно, действительно под повязкой что-то было. Её слова тут же привлекли внимание других женщин и фуланов, что шли той же дорогой. Всё же они тоже люди, работающие на земле, кому из них

незнакома ноющая спина да ломота в пояснице? Мигом собралась стайка, и все загалдели, наперебой расспрашивая:

— Юй-ланчжун, этот пояс вы его продаёте? Я бы мужу своему тоже такой купила.

— А правда помогает? У меня свекровь в последнее время всё жалуется на спину, я бы ей такой в подарок сделала, хоть немного отблагодарить.

Юй Шанчжи тут же объяснил:

— Такая повязка делается просто: за основу можно взять тонкие бамбуковые дощечки, а сверху обшить всё хлопчатобумажной тканью. Я всего-то немного рассказал тётушке Цюшуй, как можно сделать, а она уже и сама всё сообразила. Можете у неё и расспросить.

Одним словом, Юй Шанчжи тут же ловко перевёл внимание всей толпы на Цао Цюшуй, а сам с Вэнь Ецаем поспешил подогнать вола и двинуться дальше. Не то чтобы они не хотели перекинуться парой слов с деревенскими, просто если чуть замешкаешься, солнце встанет повыше, и работа в поле станет куда тягостнее. А кому захочется изнывать под жарой?

Они и не подозревали, что оставленная позади Цао Цюшуй, окружённая соседями, теперь радовалась так, что все восемь передних зубов блестели в широкой улыбке. Оказалось, односельчане не только расспрашивают, но уже просили её сшить такие же пояса и даже предлагали за это плату!

Цао Цюшуй быстро прикинула в уме — дело, без сомнения, выгодное. Ей ведь всего-то нужно посидеть с иглой, а погибать бамбук поможет сын. К тому же и бамбук, и ткань с хлопком приносят сами заказчики, искать и покупать ничего не надо.

Так всего за четверть часа пути Цао Цюшуй успела набрать заказы от трёх дворов: по двадцать вэнь за один поддерживающий пояс, а за три уже целых шестьдесят! Насвистывая весёлую мелодию, она чувствовала, как силы бьют ключом, а в голове уже зрела мысль: пояс-то пошёл с идеи Юй Шанчжи, так что как только на их дворе поспеют абрикосы, первую корзинку нужно будет непременно отнести в дар семье Вэнь.

А тем временем, как только все дошли до поля, сразу стало не до разговоров. Золотистые колосья слегка раскачивались под ветром, налитые, тяжёлые зёрна приятно радовали глаз, но если замешкаться, и вдруг польёт дождь, пшеница даст ростки, и тогда вся работа целого года пойдёт насмарку. Куд ни глянь, все, от взрослых до восьми-девятилетних ребятишек, трудились кто во что горазд. Даже совсем малышей, которые только-только научились ходить, брали с собой - пускай хотя бы колосья с земли собирают. Всё лучше, чем сидеть дома без присмотра, да и упавшие зёрна тоже хлеб, тоже еда.

Юй Шанчжи срезал несколько пучков колосьев, но вскоре был вынужден выпрямиться и размять плечи. Подняв голову, он увидел, что Вэнь Ецай уже продвинулся вперёд на добрый

отрезок, даже Вэнь-эрню, низко склонившись над пшеницей, не уступала в сноровке.

Юй Шанчжи оглянулся на собственный жалкий результат, поспешно вновь принялся за жатву. На самом деле он вовсе не был таким уж неопытным — в прошлой жизни, во время выездных медицинских миссий в деревни, он нередко оставался в сельской местности надолго. Живя среди крестьян, иной раз и сам учился у них деревенскому ремеслу. Не раз случалось, что на его долю выпадала жатва, и тогда добродушные селяне охотно показывали, как правильно работать. Тяжелее всего в этом деле было постоянное сгибание корпуса — однообразное, утомительное. Каждый раз, наклоняясь, нужно было одной рукой крепко обхватывать стебли, а другой взмахом серпа срезать их в нескольких сантиметрах от корня. Со стороны, когда это делает мастер, всё кажется просто, но стоит взяться за дело самому, и тут же понимаешь, что обе руки словно перестают тебя слушаться.

В прошлой жизни, лишь попробовав жатву собственными руками, Юй Шанчжи по-настоящему осознал, насколько важно было внедрение машинной уборки урожая.

Отгнав посторонние воспоминания, он сосредоточился, стараясь шаг за шагом нащупать верные движения. Сначала он вовсе не стремился к скорости, только к точности и безопасности, чтобы не порезаться серпом. Но прошло не так много времени, и его темп постепенно ускорился. По крайней мере к полуденному перерыву он едва-едва успел догнать Вэнь-эрню. Однако, взглянув на других мужчин в поле, которых в каждой семье считали основной рабочей силой, и которые с лихостью махали серпами, обгоняя всех, Юй Шанчжи только вздохнул с завистью.

Что ж, пусть пока и не стать ему умелым жнецом, зато он вполне способен обеспечить всем остальным.

Увидев, как высоко поднялось солнце, он понял, настал самый жаркий час дня, и если сейчас не восполнить воду и силы, легко можно получить солнечный удар. Он первым добрался до повозки у края поля, вытащил оттуда бамбуковую корзину и кувшин.

Он достал ещё несколько чистых чашек, открыл кувшин и начал разливать тёмно-рубиновую жидкость.

Обычно, когда идут работать в поле, в кувшинах у всех просто вода. У кого условия получше — те добавляют немного дикого горного чая, чтобы взбодриться. Но только у Юй Шанчжи в сосуде была жидкость цвета драгоценных камней - глубокого рубинового оттенка.

— А-Е, Эрню, идите есть! — громко окликнул он, когда всё было готово.

Вэнь-эрню первой побежала обратно, а Вэнь Ецай ещё срезал несколько пучков колосьев, связал их травяной верёвкой и только после этого понёс к ним. Юй Шанчжи вышел ему навстречу, и они вдвоём сложили снопы в аккуратную кучу. В семье у них людей немного, и не хватало рук, чтобы сразу всё уносить домой, поэтому решили отложить транспортировку на вечер. Когда закончат работу, тогда и понесут постепенно. Сейчас торопиться было некуда.

— Сначала выпейте немного сливового отвара, — сказал Юй Шанчжи, — вы только посмотрите, как вы взмокли от пота.

На сегодня они захватили два кувшина: в одном был кислый сливовый отвар, а в другом чистая питьевая вода.

Юй Шанчжи намочил два носовых платка, отжал их и протянул Вэню Ецаю и Вэнь-эрню. Брат с сестрой быстро вытерли лоб, шею и другие места, где особенно лился пот — влажность и липкость ушли, и ветерок мгновенно принес с собой ощущение свежести.

Вэнь-эрню едва закончила вытираться, как тут же с нетерпением подняла чашку со сливовым отваром:

— Брат Юй, он на вкус прямо как тот фруктовый напиток, что продают в уезде!

Юй Шанчжи сам пробовал тот самый уездный напиток. В нём в основном были фрукты, немного сахара, а чтобы сэкономить и больше навариться, торговцы ещё разбавляли его водой.

— Попробуй мой. Уверен, он вкуснее, чем то, что они продают, — сказал он и протянул ещё одну чашку Вэнь Ецаю. — Ты тоже попробуй, скажи, нравится ли тебе этот вкус.

Для Вэнь Ецай, который раньше, когда работал в поле, был рад хоть какой-нибудь воде, неважно, что пьёшь, лишь бы утолить жажду, такое угощение было, без преувеличения, роскошью. Кто бы мог подумать, что, выйдя замуж за своего маленького доктора, теперь даже в такую жару можно пить фруктовый напиток, словно в городе!

Вэнь Ецай, держа в руке платок, не стал тянуться за чашкой, а просто пригубил её прямо из рук Юй Шанчжи. Кисло-сладкий вкус легко скользнул по губам и зубам, мгновенно придав сил. А так как повозка стояла в тени, вода в кувшине не нагрелась под солнцем, и, попав внутрь, отвар прогнал из тела весь зной.

— Вкусно! — воскликнул Вэнь Ецай.

Теперь ему уже было не до вежливости, он тут же выхватил чашку из рук Юй Шанчжи и в два глотка осушил её.

— Налей ещё. А ты сам пил?

— По дороге выпил, — ответил Юй Шанчжи с улыбкой.

Вэнь Ецай кивнул, но всё равно выпил ещё три чашки подряд, прежде чем остановиться. Однако как только он поставил пустую чашку, живот у него предательски заурчал. Юй

Шанчжи мягко улыбнулся, как он мог не проголодаться? К тому же отвар из кислой сливы ещё и аппетит прекрасно разыгрывает.

— Быстрее садитесь, поешьте чего-нибудь. Сейчас солнце в зените, а работать в такую пору только себе во вред.

Он заранее расчистил небольшую площадку на краю поля и постелил старое домашнее одеяло. Обед был также приготовлен с вечера, ведь только на сытый желудок есть силы трудиться. Если есть одни сухари, да ещё без соли, ни к чему хорошему это не приведёт, а одними соленьями и вовсе не наешься. Поэтому за два дня до того Юй Шанчжи предложил Вэнь Ецаю приготовить немного тушёного мяса и яиц в специях.

Такая еда хороша ещё и тем, что её можно сделать заранее, и даже в жаркую погоду, если хранить в кухонной пристройке, она не испортится. Утром достаточно обдать кипятком, и можно спокойно есть, не боясь расстройства. Кроме того, по совету Юй Шанчжи, Вэнь Ецай испёк несколько белых пшеничных лепёшек немного больше ладони размером. Такие лепёшки в холодном виде хранятся лучше, а за один раз, сделав побольше, можно обеспечить всех едой на несколько дней жатвы.

Всё было приготовлено заранее, и наконец настал момент, когда Юй Шанчжи мог проявить себя. Он, конечно, не умел готовить по-настоящему, зато отлично владел ножом — в конце концов, годы работы с лекарственным сырьём не прошли даром: рука тверда, глаз точен. Так что именно он сегодня встал раньше всех и первым отправился на кухню. Там, взмах за взмахом, ловко нашинковал ингредиенты и собрал десять сочных жоуцзямо. Начинка была из мелко порубленной тушёной свинины с жирком, к которой он добавил раздавленное яйцо, сваренное в специях, и кусочек такого же пряного тофу.

Оставив порцию для Вэнь-санья к полудню, остальные он завернул в аккуратные масляные бумажные конвертики и уложил их в бамбуковую корзину — чистенько и опрятно.

Когда настал полдень, а у всех в животах давно уже громко урчало, эти горячие мясные лепёшки, извлечённые из корзины, словно сами источали невыносимо аппетитный аромат, который ветром разносило чуть ли не на десять ли вокруг.

Неподалёку стоял Ху Дашу, который только что откусил свой приготовленный супругом паровой пирожок и воткнул палочку в блестящее от жира солёное утиное яйцо, наслаждаясь вкусом... пока не уловил этот упоительный запах. Тут же нос сам по себе затрепетал.

— Да разве можно, чтобы еда у кого-то в поле была такой ароматной?! Да как после этого жить вообще?! — воскликнул Ху Дашу, и слова его неслись по округе, вперемешку с ароматами тушёного мяса.

Узнав, что источником соблазнительного запаха является дом Вэнь, он тут же притих. Вчера, когда Вэнь Ецай готовил тушёное мясо, Бай Пин как раз зашёл к ним в гости. Вернувшись, рассказывал, что в той кастрюле было не просто много соли и светлого соевого соуса, но ещё и

какие-то незнакомые лекарственные травы, вроде бы называются «пряности».

Неудивительно, что блюдо получилось таким душистым, что даже спустя ночь сохраняло свой насыщенный запах. Но и понятно: сколько же всего туда положили! Такие блюда по карману далеко не каждой семье. На фоне всего этого, даже его сытное утиное яйцо, из которого капал золотистый жир, уже не казалось таким особенным.

Повернувшись к Бай Пину, Ху Дашу молча взвесил оба сваренных яйца в руке и, выбрав то, у которого желток был побольше, протянул его своему супругу. Бай Пин с благодарной улыбкой принял угощение, тут же вложил желток в половинку парового пирожка, а сам исподтишка, с тревогой, бросил взгляд в сторону, где сидел Го-гер.

Хотя семья Бай Пина и не могла сравниться с Цай-гером, который мог себе позволить тушёное мясо, но у них, по крайней мере, были солёные утиные яйца. А вот бедняга Го-гер — немой фулан, которому и без того тяжело приходилось с ворчливой и жадной свекровью — и того, похоже, лишён. Страшно даже представить, чем она снова его попрекнёт.

Го-гер, лишённый возможности говорить, словно на деле стал воплощением поговорки: «Горе немо, жаловаться некому».

Бай Пин тяжело вздохнул. В следующий раз, когда они пойдут в горы за дикими овощами и травами, нужно обязательно взять с собой Го-гера, а заодно и Фу-гера — тогда Цай Байцао и пикнуть не посмеет.

И, в самом деле, Цай Байцао, как чувствовала, в это самое время сидела в тени одного из деревьев поближе к полю семьи Вэнь и, не стесняясь, громогласно бранила невестку. Поскольку их поле соседствовало с полем семьи Вэнь, во время полуденного отдыха они устроились под самыми широкими тенистыми деревьями, где было хоть немного прохлады.

Когда по округе поплыл аромат тушёного мяса, многие, особенно дети, уже не могли усидеть на месте — вертелись, дёргали родителей за рукав и жалобно просили мяса. О чём уж тут говорить: в обычные дни мясо и так на столе бывало редко, а в страду, когда все на ногах с утра до вечера, и вовсе мечтают хоть о простой лепёшке да воде.

Видя, как у многих на лицах проступило смущение и как они удерживают своих детей, не позволяя им бежать к той стороне, Юй Шанчжи, бросив короткую фразу Вэнь Ецаю, поднял кувшин с напитком и направился к собравшимся.

В деревенской жизни, если у кого-то дела идут лучше, неизбежно найдутся завистники — завидовать, в конце концов, человеческая природа, и требовать от всех полной душевной прозрачности тоже вряд ли уместно. Важно другое: если у тебя в доме всё в порядке, то не грех и с другими малость поделиться. Недаром ведь говорят: у кого поел, того и уважай; от кого получил, тому и поклонись.

— Дорогие односельчане, — проговорил он с улыбкой, — это я сам подобрал рецепт и сварил немного напитка от жары и зноя. Если не побрезгуете, угощайтесь, попробуйте.

Он открыл крышку кувшина, и оттуда тотчас потянуло легким кисло-сладким ароматом. Несколько ребятишек, что только что ныли, прося мяса, тут же позабыли про мясной запах. Если уж до мяса ещё можно как-то добраться, то сладости в деревне и вовсе редкость.

Цао Цюшуй тоже сидела здесь и, смущённо улыбнувшись, поспешно сказала:

— Юй-ланчжун, да как же мы можем просто так пить твоё добро?

По запаху сразу понятно — с сахаром, да и вид у напитка такой, что, вынеси его на продажу в город, за один бамбуковый тубус можно выручить немало монет.

Юй Шанчжи с улыбкой ответил:

— Пустяки. Все травы я сам собирал в горах. Да и потом, пусть все немного охладятся, чтобы потом, не дай бог, не заболеть и не приходилось бы звать меня лечить. Разве мне самому не спокойнее будет?

Эти слова вызвали у собравшихся дружный смех, а те, кто был поразумнее, и вовсе сразу всё понял. Разве не за счёт чужих болезней живёт любой доктор? Но вот перед ними простой деревенский лекарь, да ещё и говорит, что лучше б никто не болел — тут поневоле обрадуешься от такого отношения.

Юй Шанчжи, скромничая, вновь настаивал, и в конце концов каждый, так или иначе, протянул свою чашку. Говорили, мол, просто дать детям попробовать, лишь бы чуть-чуть, ни в коем случае не много. Для самого Юй Шанчжи эта вещь и вправду ничего не стоила, потому он и не жалел угощения. В их доме ещё оставалось достаточно заготовленных пакетиков с травами, стоит лишь добавить воды, и можно снова сварить целый котёл. Так что Юй Шанчжи, держа в руках кувшин с напитком, щедро наполнил стоящие перед ним чашки. Жидкость была ярко-рубиновой, прозрачной, и дети, едва завидев, с восторгом заверещали, не в силах скрыть радость.

Сцена и впрямь была как из картинки — добродушная и тёплая, казалось, ничто не может её испортить. Но всегда найдётся кто-то, кто захочет омрачить общее веселье.

Цай Байцао, с одной стороны, презрительно воротила нос — мол, не станет брать подачки от семьи Вэнь, а с другой — словно камень проглотила, досадуя, что сама оказалась в проигрыше. Вот и пыталась теперь восстановить своё «достоинство» пусть даже за счёт другого.

Пока остальные с удовольствием потягивали кисло-сладкий напиток, а у кого водились лишние монеты интересовались у Юй Шанчжи, не продаёт ли он заготовки, в стороне вдруг раздался

резкий, неприятный голос:

— Ну что с тебя взять — немой да ещё и без мозгов! Ты сам погляди, это разве еда для людей? Ни капли масла! Да мы вовсе не бедствуем, белой муки дома достаточно! Сказала же тебе: испеки побольше лепёшек с зелёным луком и маслом, а ты что? Напихал в корзину этих чёрствых лепёшек из грубой муки! Ты, должно быть, нарочно хочешь меня в гроб вогнать!

Ду Го сжимал губы и отчаянно пытался объясниться, хотя даже слов сказать не мог. Ведь именно его свекровь намеренно следила, чтобы никто и пальцем не тронул запасы масла и белой муки, заставляя всячески экономить. Яйца отдавались только те, что уже почти испортились — ни на продажу, ни толком в пищу. И всё же доставались они только «своим».

Так что сегодняшний обед - лепёшки из грубой муки с холодной водой для всей семьи - был вовсе не решением Ду Го, а явным распоряжением свекрови. Однако Ду Го был не глуп. Он давно заметил, что происходит в стороне, где Юй Шанчжи угощал всех своим напитком, и прекрасно понимал: Цай Байцао сейчас просто старается пустить пыль в глаза, изображая благополучие. Поэтому он поспешно закивал, делая умиротворённый и покорный вид, и жестами показал, что всё понял.

Но Цай Байцао его покладистый вид и немые извинения только сильнее раздражали. Она ведь когда-то выбрала Ду Го в супруги своему сыну Хан Люцзы вовсе не от великой щедрости. Да, он был гером, и при этом его родимое пятно выглядело довольно ярко, суля неплохую плодовитость. Внешностью, может, и не блистал, но был аккуратным, с тонкими чертами — словом, смотреть было не противно. А что немой — ну и бог с ним, потерпят.

Кто бы мог подумать, что вот уже почти год прошёл, а живот у Ду Го так и не округлился. Никаких признаков беременности. Как и следовало ожидать — геры все как один в убыток семье, пустая трата денег и надежд!

Что же до её сына Хан Люцзы — тот, как большинство деревенских мужиков, выросших под тугим материнским кулаком, слушался мать безоговорочно: скажет она на восток — он не решился пойти на запад, скажет не смотреть — и головы не повернёт.

В прошлый раз, когда она настояла, чтобы Ду Го пошёл к Юй Шанчжи пульс проверять, уже само по себе было делом едва ли не из ряда вон выходящим.

Сейчас Хань Люцзы молча грыз сухую лепёшку, даже рта не раскрывая, а его отец, Хань Каньцзы, был и вовсе человеком, что в дела не лезет, пусть хоть небо обрушится.

Ду Го с тихим вздохом придвинул тарелку с соленьями поближе к Цай Байцао, может хоть это немного смягчит её настроение. Но куда там, ей уже совсем было не до еды. В деревне теперь только и разговоров, что Вэнь Ецай — счастливая звезда: и удачу в дом приносит, и мужа поддерживает, вон, даже того хилого маленького лекаря, что чуть не отдал богу душу, под своё крыло взял, и тот не только выжил, но и зажил припеваючи.

Вот бы если Вэнь Ецай оказался бы невесткой у неё, тогда, может, и всё это счастье досталось бы их дому! А сейчас, когда в воздухе стоит такой густой, пьянящий запах мяса, только что проглоченная лепёшка в животе будто водой разбухла — дышать тяжело, сердце колотится, будто ела камни. Она кое-как затолкала в себя ещё пару кусочков и молча откинулась под дерево, не проронив ни слова.

Ду Го посмотрел на свою злопамятную и мелочную свекровь, нахмурился и покачал головой. Потом положил ладонь на живот и осторожно его погладил.

Он в обед почти ничего не съел — не было аппетита, да и в животе покалывало неприятно. Но сейчас, в такую горячую пору сбора урожая, он и подумать не смел жаловаться: вдруг решат, что лодырничает нарочно. С этой мыслью Ду Го посмотрел на несколько своих участков и в душе только молился, чтобы уж поскорее убрать пшеницу, тогда, может быть, ночью наконец удастся спокойно выспаться.

На ехидные слова Цай Байцао никто не отреагировал, и так всем было понятно: в её семье про луковые лепёшки с маслом и мечтать не приходится.

Юй Шанчжи тоже не задержался. С двумя семьями, что пожелали купить у него лекарственный набор для отвара, он договорился: по пять взней за порцию, после чего снова взял свой кувшин и вернулся в тень дерева, где отдыхала их семья.

Там он увидел, что Вэнь-эрню уже вовсю уплетает мясную лепёшку, так что рот у неё блестит от жира и счастья, а вот Вэнь Ецай свою даже не распаковал. Юй Шанчжи с недоумением взглянул на него, и тут Вэнь Ецай потянул его за руку, заставил присесть рядом. Не обращая внимания на жару, придвинулся вплотную и с улыбкой сказал:

— Ждал, пока ты вернёшься. Хотел есть с тобой вместе.

Вот оно как! Юй Шанчжи чуть улыбнулся, тоже взял лепёшку с мясом и начал есть.

Такая еда хороша и горячей, и остывшей, а после полудня, проведённого в поте лица на поле, её вкус и вовсе невозможно описать словами. Вскоре восемь лепёшек в бамбуковой корзине были разобраны подчистую: Вэнь-эрню справилась с двумя, а Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем — по три на человека.

По-хорошему, Юй Шанчжи обычно не мог съесть так много. Это лишь доказывало, сколько сил уходит на крестьянскую работу.

Поев и напившись, Вэнь-эрню почувствовала сонливость, но сидеть без дела не стала — опустила голову и принялась выдёргивать колючие ости* из ткани. Именно из-за этих остей мужики даже в самую жару, не решались снимать рубахи: острые, как иглы, колоски с лёгкостью прокалывали одежду и вонзались в кожу.

(ПП: тонкий заострённый отросток на цветковой или колосковой чешуе у растений)

Вэнь Ецай, сидящий рядом, тоже закатал рукава и почесал покрасневшую кожу на руках — и без того было видно, как сильно та воспалена.

— Расчешешь — будет хуже, — спокойно сказал Юй Шанчжи. — Я взял мазь с собой.

Сразу после этих слов Вэнь Ецай с сестрой удивлённо наблюдали, как он будто фокусник вытащил из бамбуковой корзины ещё один маленький глиняный флакон.

— Что это? — Вэнь Ецай наклонился ближе. Теперь он точно знал, чем его супруг всё это время возится в восточной комнате: одно полезное средство за другим, прямо из рукава, как по волшебству.

— От зуда, — ответил Юй Шанчжи. — В составе мята, солодка и борнеол.

Он аккуратно взял за руку Вэнь Ецай, легонько подул на покрасневшую кожу, стряхнул две прилипшие остинки, а потом, зачерпнув подушечкой пальца немного мази, тщательно втер в расчесанное место.

— И правда, — удивился Вэнь Ецай, — сразу перестаёт чесаться.

Он с восторгом уставился на баночку с мазью:

— Да и пахнет так... свежо.

Юй Шанчжи кивнул:

— Ещё и от комаров отпугивает. Ученые часто мажут её под нос, чтобы не заснуть во время учёбы. Перед тем как после полудня вернёмся на поле, всем намажем точку Тайян и под носом — легче будет.

Когда Юй Шанчжи закончил втирать мазь в руки и шею Вэнь Ецай, другие участки тела — как никак он был гером — оказалось не слишком удобно оголять, так что Юй Шанчжи просто передал баночку супругу, попросив его помочь и сестрёнке Вэнь-эрню нанести средство.

После того как оба намазались, терпение Юй Шанчжи тоже лопнуло — жжение от колючек становилось невыносимым. И тут наконец-то проявилось преимущество быть мужчиной: он без лишних церемоний снял верхнюю рубаху, оставшись в хлопковой майке.

Стоило ему раздеться, как бледная, словно нефрит, кожа тут же ослепила Вэнь Ецай. Тот

невольно сменил позу, сев так, чтобы прикрыть собой Юй Шанчжи от возможных чужих взглядов.

Мази нужно было совсем чуть-чуть - даже капля покрывала приличный участок. Когда всё было закончено, в баночке не хватало лишь тоненького слоя. Вэнь Ецай бережно закрыл её и снова спрятал в корзину.

Эта жатва оказалась для него самой лёгкой в жизни: и кисло-сладкий напиток с мясными лепёшками в обед, и мазь, снимающая зуд от колючек, всё благодаря Юй Шанчжи. Сколько он себя помнил, никогда ещё летняя страда не проходила так сносно.

Они втроем ещё немного передохнули, напоили вола водой, и, дождавшись, когда солнце стало менее нещадным, снова надели соломенные шляпы и с удвоенной энергией спустились в поле. Работа на этих двух му земли вполне могла занять их троих на два-три дня, так что каждый шаг вперёд был на вес золота.

К этому часу Юй Шанчжи выглядел куда увереннее, чем утром. Вэнь Ецай мельком взглянул на него, убедился, что тому уже не грозит пораниться серпом, и с облегчением снова погрузился в работу.

А под раскидистым деревом, где недавно отдыхало столько народу, теперь воцарилась тишина; над головой в ветвях надсадно стрекотали цикады. И именно в этот момент вол семьи Вэнь повернул свои похожие на сливы глаза — он заметил приближение человека. Но, в отличие от собак, бык был флегматичен: он просто продолжал лениво помахивать хвостом, отгоняя назойливых насекомых, делая вид, что ничего не заметил.

К дереву тем временем подкралась не кто иная, как Цай Байцао. Ранее, заметив, что все разошлись, а вещи семьи Вэнь остались без присмотра под деревом, в её голове сразу же закрутилась дурная мысль.

Недоставшийся ей тогда отвар из кислых слив так и не шёл у неё из головы, всё полдня Цай Байцао ходила как на иголках, сердце то и дело чесалось от досады. Теперь же, когда вокруг никого не было, она, не в силах больше сдерживаться, всё же решилась — протянула руку, открыла крышку кувшина и заглянула внутрь.

И правда, там ещё оставалось немало!

Цай Байцао с жадностью сглотнула слюну. Раз уж пошла на это, то отступить было поздно — махнув рукой, она сбегала к себе, принесла свой бамбуковый тубус для воды, после чего подхватила кувшин и залпом наполнила его почти до краёв. Наполнив, она слегка потрясла кувшин — жидкость в нём ещё плескалась. Значит, всё прекрасно — один тубус туда, один сюда, никто и не заметит.

Успокоив себя этой мыслью, она поспешно плотно заткнула крышку тубуса и юркнула прочь.

Лишь отойдя достаточно далеко, она спряталась за дерево и осторожно отпила глоток. Кисло-сладкий вкус наполнил рот, мягко обволакивая нёбо, и она не удержалась от блаженного вздоха.

«Что ж это за блаженная жизнь у этой семьи Вэнь!» — досадовала Цай Байцао, — «такое добро, и целый огромный кувшин наливают, пей, сколько влезет!»

Она с досады топнула ногой, крепче сжала бамбуковый тубус и заспешила обратно к своей делянке. Хоть в быту она и была скупа на добро для своей семьи, но раз уж досталось даром - поделиться стоит. Мужу и Сяо Люцзы, само собой, следовало дать попробовать. Что до того Го-гера...

Цай Байцао пренебрежительно скривилась: если её Сяо Люцзы сам захочет поделиться с этим немым — пусть. Она и слова не скажет.

Хань Каньцзы, заметив, как жена протягивает тубус, поначалу отнёсся к этому без особого интереса:

— Ты где шлялась? Все уже воды напились досыта, ещё чуть — и весь день по кустам бегать!

Цай Байцао же таинственно зажмурилась и зашептала:

— Тише ты! Попробуй глоток, это ведь сокровище!

Хань Каньцзы понял, что не отвяжется, и нехотя приложился, и тут же глаза у него округлились от удивления.

— Это что за штука такая? Где ты её достала? — нахмурился Хань Каньцзы.

Цай Байцао, прикрыв рот рукой, хихикнула:

— А тебе-то что? Главное скажи, вкусно?

Хань Каньцзы, прожив с женой столько лет, с первого взгляда понял, откуда ноги растут, но вникать не стал. Смакуя, он кивнул:

— Недурно, хотя и приторно как-то.

Цай Байцао толкнула его локтем:

— Экая свинья, не знающая, какова на вкус отборная мука! Сахар нынче дорог, а ты ещё носом

крутишь. Не хочешь, я Люцзы отнесу.

Хань Каныцзы, увидев, что жена уже собралась уходить, спешно преградил ей путь:

— Эй, погоди, погоди! Дай мне ещё пару глотков. Всего пару!

Пополам поделив с ним добрую часть бамбукового тубуса, Цай Байцао пошла искать Хань Люцзы. Завидев, что Ду Го один работает вдалеке, она поспешила к сыну, дернула его за рукав и, озираясь, зашептала:

— Люцзы, вот, держи! Очень вкусно! Смотри только, не болтай, пей втихомолку, ясно?

Хань Люцзы ничего не понял, открыл тубус и удивился куда сильнее отца:

— Ма, это ведь тот самый напиток, который Юй-ланчжун днём раздавал — как его... отвар из кислой сливы? Откуда он у тебя?

Цай Байцао метнула на него уклончивый взгляд. Конечно же, она не могла признаться, что просто украла его, пока никого не было:

— Вот ты спрашиваешь, будто он с неба свалился! Что за бестолковые речи! Короче, вот столько есть - выпьешь и всё, не будет больше. Если тебе уж так жалко своего Го-гера, дай ему один глоток, и хватит. Только не думай всё ему отдать.

Хань Люцзы почесал голову и глуповато улыбнулся:

— Ма, я понял.

Цай Байцао ущипнула его за руку:

— Понял он... Что ты понял? Ладно, не буду с тобой препираться.

Всё равно, с таким бестолковым сыном, какого супруга ему ещё ждать? Хоть он и привёл в дом немного, зато тот хоть тихий и послушный. Если бы попался какой с острым языком и лютым характером, Люцзы бы с ним не справился. А если Ду Го через три года не принесёт потомства, выгнать его за порог будет совершенно правильно.

Цай Байцао оставила бамбуковый тубус и ушла, а Хань Люцзы сделал глоток и убедился, что этот ярко-красный фруктовый отвар и впрямь такой же прохладный и освежающий, как он себе и представлял. Но он всё же не стал пить его один, оставил большую часть, аккуратно закрыл крышку и пошёл искать Ду Го.

Ду Го, впрочем, даже больше, чем Хань Люцзы, хотел понять, откуда у свекрови взялся этот напиток. В обед он не решился подойти и попросить, а после и вовсе было неловко. Неужто потом идти и униженно выпрашивать? Да и к тому времени, как их семья собралась обратно в поле, люди из дома Вэнь уже как минимум с четверть часа как вернулись к работе.

Увидев, что его муж стоит с сомнением на лице, Ду Го невольно прищурился. Хань Люцзы немного занервничал и поспешил подбодрить его:

— Да чего ты думаешь, в конце концов, это мать дала, не могла же она украсть или отнять. Есть у нас, что попить, и то ладно! Попробуй скорее, потом будет легче работать!

Хань Люцзы, по правде говоря, действительно привязался к Ду Го. Что бы ни попадало ему хорошего, он первым делом вспоминал именно о нём.

Хотя сначала он изрядно рассердился, услышав, что родители сосватали ему немного супруга, но стоило ему присмотреться, как он с первого взгляда влюбился. Ду Го был маленьким и изящным — именно такой тип геров нравился ему с детства. По сравнению с рослым и крепким Вэнь Ецаем, Ду Го казался в тысячу раз лучше.

Ду Го не смог устоять перед настойчивостью Хань Люцзы, да и самому было неловко всё время отказываться, будто он совершенно не умеет быть благодарным. В конце концов, он взял бамбуковый тубус и сделал несколько больших глотков.

Хань Люцзы покачал тубусом и, увидев, что Ду Го оставил ему немного, радостно допил всё до капли и, улыбаясь, сказал:

— Вкусно, да?

Ду Го кивнул. Этот кисло-сладкий вкус большая редкость для крестьянских семей, и, конечно, было вкусно. Но радость длилась недолго. Только он вернулся к жатве, как вдруг схватился за живот.

Острая боль, налетевшая внезапно, затуманила глаза. Он не смог устоять на ногах, выронил серп, и всем телом рухнул на землю.

Хань Люцзы заметил, что Ду Го исчез, лишь спустя изрядное время. Сначала он не придал этому значения, подумал, что тот, возможно, просто ушёл в тень передохнуть. Но после нескольких раз, когда он поднимал голову и всё равно не видел его поблизости, в сердце у него закралось тревожное предчувствие.

— Го-эр? Го-эр! — громко позвал он несколько раз, но в ответ лишь тишина.

Сердце у Хань Люцзы заколотилось с неведомой силой. Он поспешно раздвинул перед собой

колосившуюся пшеницу и ринулся к той части поля, где трудился Ду Го. Когда он наконец увидел, как Ду Го лежит без чувств посреди золотистой жатвы, лицо его мертвенно бледное, а грудь едва заметно поднимается, будто дыхание и вовсе вот-вот оборвётся, у Хань Люцзы в голове помутнело.

— Го-эр! — закричал он сдавленным голосом.

Хань Люцзы поспешно опустился на колени и, не раздумывая, подхватил упавшего Ду Го. Только тогда он заметил, что тот не просто потерял сознание — его ладонь была рассечена серпом, и из раны хлестала кровь.

Хань Люцзы едва не осел обратно на землю, ноги у него дрожали, будто из ватных нитей, но он всё же сумел, дрожащими руками, поднять Ду Го себе на плечо. Лицо у него было искажено страхом, он почти в слезах бросился к краю поля, на бегу громко выкрикивая:

— Отец! Мать! Скорее зовите лекаря! С Го-эром совсем плохо!

Хань Каньцзы и Цай Байцао от испуга будто души потеряли. Когда они увидели состояние Ду Го, поняли, что дело действительно серьёзное.

— С чего бы вдруг вот так взять да и упасть?! — воскликнула Цай Байцао, но тут же не удержалась от яда: — Эх, знала ведь, что немой, да ещё и хилый, всё ж больной на всю голову!

Но не успела она договорить, как Хань Люцзы сердито оборвал её:

— Мать! Сейчас вообще-то не до пустых слов! Скорей бегите, зовите лекаря!

— Лекаря?! Какого лекаря?! — в растерянности переспросила Цай Байцао.

В первый момент она даже не сообразила, что к чему.

Хань Каньцзы в это время резко обернулся и зло зыркнул на неё:

— Неужто у нас в деревне есть другой лекарь?! Конечно же, зови того, из семьи Вэнь, что по фамилии Юй!

А тем временем Юй Шанчжи как раз завязывал последнюю охапку снопов, крепко затянув травяную верёвку. Перед ним выстроилась ещё одна тяжёлая кipa пшеницы — пусть работа и утомительная, зато ощущение выполненного дела давало настоящее удовлетворение. Вэнь Ецай стоял рядом и с усилием махал соломенной шляпой, отгоняя зной. А Вэнь-эрню попросту выдохлась — уселась прямо на землю, вся в поту, с лицом, перемазанным так, будто умывалась грязью.

Юй Шанчжи уже собирался пойти к краю поля за водой, чтобы принести флягу и дать всем немного освежиться, как вдруг заметил, что Вэнь Ецай смотрит вдаль, прищурив глаза.

— Там что-то шумно... Как будто переполох какой случился.

— Где? Покажи, я тоже хочу глянуть! — завелась Вэнь-эрню. Стоило услышать, что где-то намечается зрелище, как она подскочила, будто карп из воды.

К несчастью, рост у неё был невелик, как бы ни подпрыгивала, выше сплошной стены пшеничных колосьев она всё равно не могла разглядеть.

Юй Шанчжи проследил взглядом в том же направлении, что и Вэнь Ецай, и через мгновение тоже нахмурился:

— Мне вот что показалось... они, будто бы, сюда идут?

Развитие событий действительно оказалось неожиданным — Юй Шанчжи и представить не мог, что даже выйдя в поле работать, он всё равно наткнётся на больного. И притом на того самого Ду Го, фулана из семьи Хань, которому он уже как-то ставил диагноз.

Увидев, как побледнело у него лицо, первой мыслью Юй Шанчжи было: перегрелся. Но стоило заметить кровь, стекающую с руки, как сразу почувствовал, будто голова у него распухла от беспокойства. К счастью, ещё дома он предвидел, что на жатве легко можно порезаться серпом, и прихватил с собой снадобья для остановки кровотечения и обработки ран.

— Эрню, в тележке в бамбуковой корзине найди бутылочку с красной крышкой и принеси ещё чистой воды, — быстро распорядился он.

А затем, повернувшись ко всем вокруг, спросил:

— У кого есть чистый носовой платок? Дайте, пожалуйста, на время.

Услышав, что Ду Го пострадал, Бай Пин в спешке прибежал и, услышав просьбу, тут же достал свой носовой платок.

— Этот платок я только вчера выстирал, а сегодня ещё и не пользовался. Подойдёт?

— Подойдёт, — кивнул Юй Шанчжи, принимая платок. Когда Вэнь-эрню принесла лекарственный порошок и воду, он незамедлительно промыл рану Ду Го, засыпал её порошком, а затем аккуратно перевязал всё платком.

— Первый раз вижу, чтобы человек от пореза на руке в обморок падал, — кто-то, заглянув через плечо, пробормотал в сторону.

Юй Шанчжи не стал выяснять, кто это сказал, но сразу покачал головой:

— Сомневаюсь, что дело в этом. Похоже, он при падении просто ударился рукой о лезвие. Но в обморок он явно упал не из-за этой царапины.

Сказав это, он заметил, что Ду Го по-прежнему не приходит в себя. Тогда он резко надавил пару раз на точку Жэньчжун под носом, а затем приложил пальцы к запястью, чтобы проверить пульс.

Вскоре, поняв, что означает пульс Ду Го, Юй Шанчжи взглянул на Хань Люцзы с крайне сложным выражением лица.

А Хань Люцзы, пока ещё ничего не поняв, только обрадовался, что Ду Го начал приходить в себя. Тот не мог говорить, только в растерянности смотрел на кольцо лиц над собой, всё ещё не понимая, что случилось. Он хотел было что-то показать жестами, но тут же понял, что одна рука болит настолько сильно, что пошевелить ею невозможно, и в глазах его тут же проступили слёзы.

Хань Люцзы крепко прижал его к себе и с тревогой спросил Юй Шанчжи:

— Юй-ланчжун, вы же только что проверили пульс, скажите, что с Го-эром? Почему он вдруг потерял сознание?

Юй Шанчжи мельком взглянул на него, затем перевёл взгляд на стоящих позади Цай Байцао с супругом и только после долгого, тяжёлого вздоха сказал:

— Прежде всего, мне нужно сообщить вам одну вещь: Го-гер уже более месяца как беременен.

— Беременен? — Хань Люцзы, казалось, сразу не уловил смысла этого слова, но Ду Го уже широко раскрыл рот от изумления, так и не издав ни звука, лишь с лицом, полным недоверия.

Юй Шанчжи только что сказал... что он, Ду Го, забеременел?

Хань Каньцзы с размаху хлопнул сына по спине:

— Ты что, оглох? Не слышал, что Юй-ланчжун сказал? Твой супруг забеременел!

Только после этих слов до Хань Люцзы, наконец, дошёл весь смысл происходящего. А вот Цай

Байцао, наоборот, поспешно оттолкнула мужа, втиснулась вперёд к Юй Шанчжи, перепуганно выпаливая:

— Юй-ланчжун, вы это всерьёз? Вы правда говорите, что у Го-гера есть дитя в животе?

Видя, как эта семья почти потеряла голову от волнения, Юй Шанчжи, однако, тут же обрушил на них ведро холодной воды:

— Да, но есть и плохие новости.

— Я ещё не договорил, — Юй Шанчжи продолжил с серьёзным выражением лица: — Да, Го-гер действительно беременен. Но беременность идет тяжело. В последние дни он слишком переутомлялся, а сегодня, похоже, ещё и съел что-то, что беременным строго противопоказано. Сейчас плод в очень нестабильном состоянии, если не позаботиться как следует, может случиться выкидыш в любой момент!

Ду Го, вспомнив резкую боль в животе перед тем, как потерять сознание, моментально запаниковал, слёзы хлынули по щекам. Он судорожно стал махать рукой, отчаянно пытаясь что-то объяснить.

— Люцзы, что он хочет сказать? — спросил Юй Шанчжи, не разобрав жестов.

Хань Люцзы поглядел на мужа, и лицо его заметно побледнело:

— Он... он говорит, что сегодня, когда работал в поле, у него вдруг сильно разболелся живот!

Стоило этим словам прозвучать, как все присутствующие, особенно женщины и геры, у которых уже были дети, разом ахнули и судорожно втянули воздух. Кто же не знает, что беременность длится десять месяцев, и первые три самые опасные: стоит только живот заболеть или снизу появится кровь, то скорее всего, ребёнка уже не спасти.

Юй Шанчжи нахмурился:

— Этого не должно было случиться. Даже если переутомление и повредило плод, не настолько, чтобы всё произошло так внезапно.

В этот момент он заметил, что в уголке губ Ду Го виднеется едва заметная алая полоска. Связав это с тем, как обычно ведёт себя Цай Байцао, в голове у него всплыла догадка, от которой и самому стало не по себе — с одной стороны, казалось, быть такого не может, а с другой — отмахнуться было невозможно.

Он не понял, что пытался изобразить Ду Го своими жестами, и потому просто напрямую

спросил Ханя Люцзы:

— Люцзы, скажи, твой супруг сегодня ел или пил что-нибудь с боярышником?

— Боярышник?.. — Хань Люцзы поначалу ничего не понял, но Ду Го тут же дёрнул его за рукав и взглядом указал вниз. Он опустил голову, посмотрел на привязанный к поясу бамбуковый тубус и внезапно просиял пониманием:

— Юй-ланчжун, а в том самом отваре из кислых слив... разве не было боярышника?

Цай Байцао, услышав эти слова, почувствовала, как кровь бросилась ей в голову от пяток до макушки. Этот глупый сын абсолютно безнадёжен. Теперь-то точно всё пропало!

<http://bllate.org/book/13600/1205967>